

СКУЛЬПТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В НАУЧНЫХ ТРУДАХ Ю.Г.ВИНОГРАДОВА

В научных трудах выдающегося историка и эпиграфиста Ю.Г.Виноградова, внесшего огромный вклад в отечественное и мировое антиковедение, разрабатывались разнообразные проблемы. Хотя ученый прямо не занимался изучением произведений искусства, тем не менее, он часто при решении того или иного вопроса касался отдельных памятников, акцентируя основное внимание на их значении в политической жизни граждан античных полисов Северного Причерноморья. Именно в этом аспекте я попытаюсь рассмотреть те произведения скульптуры, на основании которых в сопоставлении с надписями он решал интересные и важные вопросы политической истории этих государств.

Ю.Г.Виноградов внес много нового в интерпретацию уникальной мраморной стелы Леокса, сына Мольягора, найденной случайно еще в 1895 г. на ольвийском некрополе и хранящейся в Херсонском краеведческом музее. Как ни одна скульптура из Ольвии, она неоднократно рассматривалась многими исследователями с разных точек зрения¹. Однако только Ю.Г.Виноградов впервые четко сопоставил её с исторической ситуацией в Нижнем Побужье, возникшей в связи с появлением скифских коневников в начале V в. до н. э. По его мнению, стела Леокса, на которой с одной стороны изображен стоящий обнаженный юноша с копьем или посохом, а на другой - стоящая фигура амазонки в восточном одеянии с горитом у левого бедра и стрелой в руках, датируется около 490 г. или вторым десятилетием V в.² На основании тщательного анализа этого памятника, он предложил новую реконструкцию метрической эпитафии:

Памятник доблести, я говорю, что вдали за отчину

Жизнь отдавши, лежит сын Мольягора Леокс.

Здесь уместно привести рассуждения ученого, свидетельствующие лучше всяких доказательств, сколько важно для него было выяснить причину гибели Леокса: " В каком же сражении пал Леокс, сын Мольягора? Ответ на этот вопрос могла бы подсказать сама датировка памятника и сюжеты его рельефов. В них ольвийским художником отчетливо противопоставлены два начала: эллиническое в образе обнаженного прекрасного юноши-воина, символизирующего все достоинство воспитания в духе калокагатии, и варварское в облике представительницы племени воительниц-амазонок, постоянно сражавшихся с греческими героями-гоплитами. Иными словами, мастер стремился сказать своим произведением, что ольвийский воин-аристократ (этот следует из его имени и отчества) пал за отечество в одном из сражений со скифами, которыми, видимо, была так полна история Ольвии второго десятилетия V в. Причем выразил свою идею художник не грубо и прямолинейно, но в лучших традициях эллинического искусства, вырезав на рельефе (как сделали бы, например, его египетские или персидские коллеги) не просто потираемого врага и даже не униженного варвара-скифа, но прекрасно и уточнено выполненную фигуру амазонки, метафорически олицетворяющую собой противостояние и противопоставление двух миров и двух идеологий - эллинизма и варварства, оппозиция которых стала особенно настойчиво заявлять о себе после разгрома Ионийского восстания и похода Дария на Элладу. Не исключен, конечно, и "тонический аспект образа амазонки, но опять же не как абстрактного, но конкретного по своему этносу олицетворения смерти"³.

В этом пассаже Ю.Г.Виноградов ярко продемонстрировал свой научный стиль, талант историка, прозорливое понимание стремлений ольвийского ваятеля выразить изображенными средствами символику героизма и смерти в период вооруженной конфронтации ольвиополитов со скифами, которая "отя и была непродолжительной, но получила отражение в этом прекрасном памятнике ольвийского искусства.

Большое место в работах Ю.Г.Виноградова занимает рассмотрение фрагментов установления стел в Ольвии на основании отдельных, иногда совсем незначительных фрагментов надписей. Так, один из них долгое время считался вертикально поставленной стелой⁴. Внимательный анализ не только остатков букв, но и округлого углубления на камне, аналогичное которому находилось на базе остатков курсов, посвященной в Дельфы сыновьями паросского скульптора Харопина в середине VI в. до н. э., позволило ученому датировать этим же временем фрагмент ольвийского памят-

ника, а также восстановить его тип⁵. Базируясь на данном исследовании, можно уверенно считать, что в это время ольвиополит Археанакс на свои средства поставил в Ольвии статую курiosa на примоугольной базе с посвянительной надписью, от которой сохранился маленький угловой обломок с четырьмя последними буквами имени.

Фрагменты скульптур архаических куросов, как привозных, так и ольвийских неоднократно находили при раскопках города и его некрополя⁶. Однако реконструированный Ю.Г.Виноградовым памятник представляет собой один из важнейших и древнейших источников, свидетельствующих о том, что в Ольвии уже в столь раннее время стояли статуи с посвященными божествам, которые богатые граждане заказывали скульпторам, очевидно, из своей метрополи - Милета, а затем привозили их в основанный ими полис. Не исключено, что сюда доставляли только мрамор, а приежике мастера изготовляли статуи на месте.

Тонкий знаток ольвийских надписей, Ю.Г.Виноградов со свойственной для него прозрачностью и собственными методическими приемами, владея колоссальным багажом знаний в области античной истории и эпиграфики, впервые проследил эволюцию государственного устройства Ольвийского полиса и время установления демократии. Главной источниковедческой базой для решения этой кардинальной проблемы его истории послужили посвящения на постаментах статуй, синхронность которых, - первая четверть IV в. до н.э., - доказана палеографической, стилистической и просопографической близостью⁷. Их всесторонний анализ позволил исследователю выявить значительные изменения в истории Ольвии, связанные со свержением тираннии и спасением города от скифских нападков, в результате чего были поставлены статуи Зевсу Элевтерию (Освободителю). От них сохранились только фрагментированные постаменты с надписями.

Соответственно им, Гекатею, сын Пиксия посвятил этому богу, как восстановителю и покровителю свободы статую отца; неизвестный по имени гражданин воздвиг по одному обету статую своего отца Еврисиния, посвятив ее, по другому обету, Зевсу Элевтерию. Вместе с тем, Еврисиний, сын Сирика построил в честь этого бога башни городских оборонительных стен. В это же время была поставлена статуя в честь неизвестного гражданина, свергнувшего в Ольвии тираннию, подвиг которого был запечатлен в эпиграмме на постаменте⁸.

"Воздвижение статуй освободителям полиса от тираннии было в древности одной из наиболее выдающихся почестей, - отмечал Ю.Г.Виноградов. - Постановление одного из малоазийских городов, по всей видимости Эрифр, вотиврованное, скорее всего, в первые годы III в. до н.э., гласит, что олигархи этого полиса в годы своего правления выхватили меч из рук бронзового изваяния Филанта, убившего местного тирана (του αποκτείναντος τον τυραννον), подозревая в постановке его статую акцию, направленную против их власти. Декрет предписывает восстановить скульптуру в прежнем виде, а также позаботиться о регулярной чистке ее от жировой патины (λοιμ) и увенчании во время праздников с соответствующими организационными и финансовыми распоряжениями... Все приведенные свидетельства показывают, какими выдающимися почестями облакались в греческих полисах тираноубийцы; одной из первых и самых важных из них было награждение статуей. Такой же высокой наградой был отмечен и неизвестный нам по имени гражданин Ольвии, свергнувший где-то в начале IV в. тиранию"⁹.

Проанализировав все эти памятники в сопоставлении с аналогичными посвящениями Зевсу Освободителю в других регионах античного мира, Ю.Г.Виноградов убедительно доказал, что в Ольвии окончательно победили демократы во главе с Еврисинием, сыном Сирика, имя которого на весь последующий период существования Ольвии осталось популярным среди городской элиты.

Исследуя специфику ольвийской демократии в эллинистическое время, ученый особое внимание уделил декрету в честь Каллиника, сына Евксена, высеченном на мраморном постаменте его статуи¹⁰. Этот ольвиополит был удостоен беспрецедентного в античном мире огромного денежного вознаграждения в тысячу золотых и постановкой его статуи, которую ольвийский demos посвятил Зевсу Сотеру. Согласно Ю.Г.Виноградову, это была бронзовая статуя¹². Каллиник представляет собой героя, сумевшего мобилизовать все силы на оборону Ольвии против войска полководца Александра Македонского Зопириона, а затем проводившего важные мероприятия для обновления многих сфер полисной жизни, что в итоге способствовало установлению радикально-демократического режима, экономическому и культурному расцвету полиса¹³.

Следуя своим методическим принципам для подтверждения выводов, ученый рассмотрел син-

хрушный вышотемченному памятник, найденный на острове Левке¹⁴. От него также сохранилась только часть постамента с декретом в честь неизвестного по имени ольвиополита, который уничтожил пиратов и очистил священный остров Ахилла от этих грабителей, за что ольвийский demos поставил ему там же статую. По габаритам прямоугольной базы и расположению следов крепления на верхней грани, Ю.Г.Виноградов резонно считал, что она представляла собой изваяние всадника на спокойно шагающей лошади¹⁵.

Это же отмечается и при рассмотрении близкого по времени херсонесского декрета в честь Агасикла, сына Ктесия, которому благодарные херсонесцы также поставили конную статую¹⁶. Обращает внимание сходная интерпретация обоих памятников, где по следам крепления на верхней плоскости постамента Ю.Г.Виноградов восстановил тип статуи: "Агасикл был изображен восседающим на спокойно стоящей лошади"¹⁷.

Для подтверждения такой реконструкции обеих статуй (неизвестного ольвиополита на острове Левке и Агасикла в Херсонесе) он опирался на специальное исследование эллинистических памятников всадников¹⁸. На основании детального изучения базы статуи Агасикла, имеющей сложную профилировку и рельефные изображения венков, Ю.Г.Виноградов также считал, что она была установлена "на высоком покое и примыкала в согласии с эллинистической архитектурной практикой (Ibid. S. 34-38) - к углу какого-то монументального общественного здания - храма, портика и т.п., что еще больше подчеркивало заслуги чествуемого"¹⁹. Одновременно было отмечено выдающееся и неординарное значение этого изваяния, вытекающее из того, что в Северном Причерноморье на то время было известно только три базы с почетными надписями от конных статуй²⁰. Для восстановления государственной деятельности Агасикла (а вместе с этим и политической истории Херсонеса Таврического) особый интерес представляет рассмотрение исполненных им ординарных магистратур, отмеченных в пяти венках на боковой грани постамента. Ю.Г.Виноградов пришел к пониманию важности и первостепенной значимости изображений венков на его лицевой грани. Каждый из них содержит указание на исполнение Агасиклом важнейших полных должностей, за успешное завершение которых херсонесский demos удостоил его постановкой столь редкого в Северном Причерноморье античной эпохи памятника.

Сведения о конной статуе в Ольвии зафиксированы в декрете в честь Никерата, сына Папия, первой четверти II в. до н.э.²¹ В отличие от первых трех, в нем прямо указывается, что demos поставил ему конную статую. Опечаленные вероломной гибелью прославленного гражданина, постоянно заботившегося о благе государства и отдавшего жизнь, спасая людей, отправившихся в Пилею, ольвиополиты помимо статуи организовали ему торжественные похороны и постановили награждать его ежегодно венком на народном собрании и во время проведения конных агоний в честь Ахилла. В начале своей деятельности Никерат также отличился тем, что будучи специально посланным в Херсонес Таврический, успешно умиротворил его граждан и был награжден ими статуей и изображением²².

Более детально Ю.Г.Виноградов развил свою точку зрения о конных изваяниях в одной из последних статей, посвященных великоленному памятнику первой четверти III в. до н.э. из Тирь²³. Здесь более, чем в других работах, было уделено внимание описанию и анализу сохранившихся фрагментов постамента и его реконструкции. Опираясь на то же исследование Х.Зидентопфа об эллинистических памятниках всадников²⁴, Ю.Г.Виноградов уверенно воссоздал по аналогиям его исконный облик²⁵. "Вышительные габариты монумента, а главное - схема крепления скульптурного изображения, которая более подходит к конным статуям, заставляет думать, что в Тире был воздвигнут памятник в честь выдающегося согражданина в облике гардиющего на коне всадника. Наш тип постамента для конных статуй возникает как раз в конце IV в. до н.э."²⁶.

При решении вопроса о том, на какой стороне постамента (торцевой или фасовой) были высечены эпитафия и декрет, Ю.Г.Виноградов также предположил, "что в эллинистической Тире размеры и застройка площади, на которой была выставлена конная статуя, не благоприятствовали ее фронтальному обзору, а потому вынудили архитектора и скульптора вырезать почетные документы на длинной боковой грани базы, что, кстати, соответствовало главному ракурсу обозрения статуарных изображений всадников"²⁷.

Ученым раскрито на ряде примеров значение конных статуй для установления основных заслуг, за которые человек удостоивался такой высокой почести. Чаще всего такого типа памятники

воздвигали тем, кто совершал подвиги для спасения людей. В данном случае гражданин Тиры Автокл, сын Ойниада доставил хлеб из Истрии, несмотря на ряд трудностей и предпринял все возможное для возрождения Никония, за что и был удостоен конной статуи, на постаменте которой были высечены не только декрет, но и хвалебная эпитафия.

Очевидно, в эллинистическое время даже в период кризисов постановка статуи считалась, главной наградой заслуженным гражданам полисов и иноземцам, оказывавшим большие услуги и содействовавшим преодолению экономических нужд. Ю.Г.Виноградов показал это на примере ольвийского декрета середины III в. до н.э. в честь херсонесита Аполлония и его сыновей²⁸. Благодарные ольвиополиты сначала поставили статую Аполлоию, а затем рядом с ней и его сыновьям Аполлодору, Аполлоию и Эвфрону, поскольку они проявили великодушие и продолжали оказывать благодеяния Ольвийскому государству в трудное для него время.

В обширной публикации декрета в честь Антестерии Ю.Г.Виноградов не только дал всеобъемлющую характеристику развития Ольвии во второй половине III в. до н.э., но и детально рассмотрел рельефные изображения в верхней части стелы с надписью²⁹. Он первым дал их описание: "Вверху стела украшена фронтоном с акротерием и двумя антефиксами по бокам, левый из которых слегка поврежден, а правый - почти полностью сбит еще в древности. Карниз под фронтоном украшен изящно вырезанным лесбийским киматием: полосой ов, чередующихся с бутонами лотоса. В тимпане фронтона, украшенном сверху профилированной рамкой, тщательно вырезано погрудное изображение мужской фигуры в фас, одетой в гиматий, оставляющий открытой шею. На голове пышная прическа, локоны которой двумя длинными прядями ниспадают на плечи. За спиной фигуры с правой стороны вырезано изображение лиры. Этот атрибут, как и общая иконография образа, не оставляют сомнения, что перед нами главное божество Ольвии - Аполлон, представленный здесь, скорее всего, в ипостаси Кифарела"³⁰.

На основании сопоставлений изображенного вверху круглого профилированного алтаря, украшенного посередине гирляндой из лавровых листьев, не характерных для ольвийских памятников, но нашедшего распространение на ряде стел Месембрии, Одессоса и особенно Аполлоию Понтийской, Ю.Г.Виноградов аргументированно доказал наличие "связей Ольвии с полисами Западного Понта (прежде всего с сестринским городом Аполлонией), прослеживаемых для эллинистической эпохи по многим другим источникам и охватывавших, как видно, даже сферу деятельности мастеров мелкой пластики и резчиков надписей"³¹.

Длительный период два ольвийских фрагмента из плотного мраморовидного известняка серого цвета с началом надписи считались надгробием³². Ю.Г.Виноградов "при работе в лапидарии Одесского археологического музея по сбору материалов и подготовке к переизданию I тома Корпуса В.В.Латышева"³³ обнаружил еще один фрагмент от этого памятника, что позволило ему сделать реконструкцию всей надписи.

В аспекте данного обзора наиболее важным представляется мнение Ю.Г.Виноградова о том, что в I в. н.э. Арета, дочь Папия поставила статую своей матери, которую посвятила популярной в Ольвии богине Кибеле (Матери богов)³⁴. Эту Арету он отождествляет с известной в Ольвии Аретой, женой Евристиния Каллисифенова, которые еще при жизни соорудили себе надгробный памятник - каменный склеп с курганом над ним. Так это на самом деле или нет, утверждать уверенно вряд ли возможно, но главное то, что теперь при изучении ольвийской скульптуры нельзя не обратить внимания на смелую реконструкцию памятника, воздвигнутого Аретой в честь своей матери в этом полисе.

В завершение данного краткого историографического обзора следует также сказать, что Ю.Г.Виноградовым был написан небольшой очерк об искусстве Ольвии для монографии "Olibia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzmeerraum" (в соавторстве с С.Д.Крыжицким)³⁵. В нем рассмотрены важнейшие произведения изобразительного искусства с двух главных категорий: импортные и изготовленные местными мастерами. Ученый отмечал, что достоверные критерии для определения последних четко не разработаны, в связи с чем, по ряду признаков (материал, техническое исполнение, сюжет, стиль и т.п.), можно точно или очень приблизительно установить место изготовления того или иного памятника.

По данным основных публикаций Ю.Г.Виноградовым кратко охарактеризованы скульптура, коропластика, теревтика и глиптика, художественное литье из цветных металлов и расписная ке-

рамка. Относительно монументальной скульптуры он подчеркнул, что ее изготовление началось в Ольвии уже в позднеархаическое время и находилось под сильным влиянием малоазийского искусства метрополи³⁶. Скульптура курсы, выполненная из ольвийского известняка по традиционной схеме, представляет собой оригинальный памятник местного ваятеля. К произведениям ольвийской пластики, опираясь в основном на мнение А.П. Ивановой, Ю.Г.Виноградов отнес и выше-рассмотренную стелу Леокса, сына Мольпагора.

Сравнительно подробно им описан вотивный рельеф коллегии ситонов, как оригинальное произведение ольвийской скульптуры периода эллинизма; наряду с ним отмечены и другие рельефы неизвестных ольвийских мастеров на стелах с посвящением Гликее (голова Афродиты), с декретами в честь родосца Атаскила (голова Гелиоса) и Антестерия (протома Аллолона)³⁷.

Таким образом, рассмотрение Ю.Г.Виноградовым в разных научных трудах произведений скульптуры в основном подчинено логике историко-эпиграфического исследования и особому вниманию исторического и культурного развития как Ольвии, так и Херсонеса Таврического и Тира в тот или иной период их существования. Тем не менее, его точка зрения, оценочный характер многих памятников, наряду с содержанием надписей, наблюдения и сопоставления с памятниками эллинических ваятелей, а также более точное определение хронологии и установление связей между самим памятником и событиями, происходившими в полисах, очень важны для дальнейшего изучения античных произведений искусства Северного Причерноморья.

Примечания

1. См. лит.: Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса VIII вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование*. Москва, 1989. С. 87-90; *Idem. Die Stèle des Leoxos, Molpagues' Sohn, aus Olbia und die skythisch-griechischen Beziehungen im frühen 5. Jh. V. Chr.* // *Archäologischer Anzeiger*. 1991. S. 499-510; *Idem. Pontische Studien*. Mainz. 1997. S. 230-241.
2. Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса...* С.88; *Idem. Pontische Studien*. S. 232f.
3. Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса ...* С. 88-89.
4. *Надписи Ольвии*. Ленинград, 1968. 103.
5. Виноградов Ю.Г. *О методике обработки эпиграфических памятников (по ольвийским материалам) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР*. Москва, 1978. С.66, 67, рис. ба, 66; *Idem. Pontische Studien*. S. 102, 372.
6. См. лит.: Чубовая А.Н., Лещенко М.М. *Ольвийский курсы // Художественная культура и археология античного мира*. Ленинград, 1976. С.210-217; Руслова А.С. *Скульптура // Культура населения Ольвии и ее окрестности в архаическое время*. Киев, 1987. С. 15 4-157.
7. Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса ...* С. 135 сл.
8. Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса...* С. 141 сл.
9. *Там же*. С. 143, 144.
10. *Там же*. С.148; *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien*. S. 212, 215, 516, 520.
11. Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса ...* С.153-164; *Idem. Pontische Studien*. S. 276-322.
12. Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса ...* С. 156.
13. *Там же*. С. 163, 164.
14. *Там же*. С. 164 сл.
15. *Там же*. С. 164.
16. Виноградов Ю.Г., Шеллов А.Н. *Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура*. Москва, 1990. С. 350, 351; *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien*. S. 461f.
17. Виноградов Ю.Г., Шеллов А.Н. *Образование территориального Херсонесского государства*. С. 351.
18. *Siedentopf H. Das hellenistische Reiterdenkmal*. Waldassen, 1968.
19. Виноградов Ю.Г., Шеллов А.Н. *Образование территориального Херсонесского государства*. С.351; *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien*. S. 462. Прим. 202.
20. *Там же*. С.350, 251. Прим. 201; *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien*. S. 402.
21. *IUSPE F.* 34; Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса ...* С. 183-188.
22. Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса ...* С. 185.
23. Виноградов Ю.Г. *Истрия, Тира и Никоий, покинутый и возрожденный // Нуризматика и эпиграфика*. Москва, 1999. XVI. С. 50-71.
24. *Siedentopf H. Op. cit.*
25. Виноградов Ю.Г. *Истрия, Тира и Никоий, покинутый и возрожденный*. С.51, 52.
26. *Там же*. С. 52.
27. *Там же*. С. 52.
28. Виноградов Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса ...* С.209 - 217.
29. Виноградов Ю.Г. *Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ*. 1984. № 1. С. 52, 53; *Он же*. *Политическая история Ольвийского полиса...* С. 194.
30. Виноградов Ю.Г. *Декрет в честь Антестерия ...* С.52.
31. *Там же*. С. 53.

32. *Лит. см.: Виноградов Ю.Г. Ольвийская элита императорской эпохи (по эпиграфическим документам и собрания ОАМ: ВО 100 + IOSPE F 309, 221) // Hyperboreus. 1996. Vol. 2. Fasc. 2. С. 127, 128.*
33. *Там же. С. 128.*
34. *Там же. С. 133, 134.*
35. *Vinogradov Ju.G., Kryhickij S.D. Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzmeerraum. Leiden, New York, Köln, 1995. S.98-108.*
36. *Op. cit. S.99.*
37. *Op. cit. S. 100, 101.*